

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский

Санкт-Петербург. 1843. Четыре части.

В России женщины мало пишут. Впрочем, этому нечего удивляться: в России и мужчины почти совсем не пишут. Смотри с этой точки зрения, вы увидите, что у нас женщины пишут именно не больше и не меньше того, сколько могут они писать. Звание писательницы пока еще контрабанда не у одних нас. Лживый взгляд на женщину осуждает ее на молчание. Этот взгляд, запрещающий женщине выходить из заколдованного круга простых светских отношений, не есть принадлежность собственно русского общества: он равно принадлежит и просвещенному Западу Европы. Правда, там, как и у нас, женщина давно уже приобрела право говорить печатно, – но как и о чем говорить? вот вопрос, подробное решение которого завело бы нас далеко-далеко... в самую Азию. Никакая пишущая женщина в Европе не избегнет пошлых намеков и названия синего чулка{1}, каков бы ни был ее талант, равно всеми признанный. Никто там не оспаривает у женщины права высказываться печатно и возможности быть одаренною даже великим творческим талантом; никого не оскорбляет и не соблазняет зрелище пишущей женщины; но в то же время едва ли кто упустит случай, говоря о пишущей женщине, посмеяться над ограниченностию женского ума, более будто бы приноровленного для кухни, детской, шитья и вязанья, чем для мысли и творчества. Это уже такая привычка у мужчин: если они давно перестали бить женщин, то еще не отстали от привычки грозить им кулаком или дразнить языком, в ознаменование права своей силы. Привычка – вторая натура, и потому отстать от нее трудно. Для женщины-писательницы – это первое, и притом еще самое меньшее зло. Хуже всего, что она осуждена общественным мнением на самые невинные литературные занятия, именно – вечно повторять старые обветшалые истины, которым не верят даже и дети, но которые тем не менее считаются почтенными. Нельзя употребить большего насилия над женщиною, нельзя оказать ей большего презрения! Конечно, ей не воспрещается законом быть оригинальною и глубокою в своих мыслях, могущею и великою в творчестве, – по крайней мере настолько, насколько не воспрещается это законом мужчине; но если закон оставит женщину в покое, тогда против нее действует общественное мнение. Тысячеглавое чудовище объявляет ее безнравственною и беспутною, грязнит ее благороднейшие чувства, чистейшие помыслы и стремления, возвышеннейшие мысли, – грязнит их грязью своих комментариев; объявляет ее безобразною кометою, чудовищным явлением, самовольно вырвавшимся из сферы своего пола, из круга своих обязанностей, чтоб упоить свои разнузданные страсти и наслаждаться шумною и позорною известностью. Не правда ли, что это возмутительно несправедливо?.. А вот вам и смешное: то же самое общество не читает женщин, пишущих в духе его же собственной морали, и обходит их самым презрительным невниманием, потому что оно само не верит своей морали и смеется над нею. Впрочем, оно противоречит таким образом самому себе не в отношении к одним только женщинам. Возьмем, например, современное французское общество. Представители его – набитые золотом мешки, приобретатели, люди поклоняющиеся золотому тельцу. Кого читает это общество? – писателей в духе чуждой ему морали. Это общество недавно восхищалось двумя романами Эжена Сю «Mathilde»[1] и «Mysteres de Paris»[2], а эти романы не что иное, как страшный донос на это общество[2]. Это же общество не хочет уже читать какого-нибудь мосье де-Бальзака, до сих пор верного моральному принципу выскочившего в люди богатого мещанства; оно смеется над ним, презирает его и вместо его читает Жорж Занд, в котором имело бы право видеть своего обвинителя, избличителя и нравственную кару{3}. После этого извольте угождать обществу и сообразоваться с его моралью! Все явления действительности внутри себя самих заключают всю необходимость: вот отчего люди толкуют свое, а действительность идет своею дорогою, не спрашиваясь у людей, но заставляя людей спрашиваться у нее. Привычка мало-помалу делает людей равнодушными к явлению, которое вначале поразило их, и со временем они начинают не только считать это явление естественным, но даже и приносить ему дань удивления и восторженных похвал. Таково теперь во Франции положение Жоржа Занда как писательницы; но не таково было ее положение назад тому несколько лет. И что же? – явись другая писательница с таким же гением, – и на нее сперва польется обильный дождь клевет, браней, оскорблений, лжей, – и все это во имя будто бы оскорбленной ею морали, и при всем этом будут раскупать ее сочинения и твердить их наизусть; а потом клеветы, лжи и брани умолкнут, сменившись на восторг и удивление... А в то же время сколько женщин-писательниц в духе общественной морали, пичкающих свои сочинения пошлыми сентенциями, пройдут незамеченные, не удостоенные ничьего внимания!..

Сказанное нами не может иметь применения к русской литературе. У нас литература имеет совсем другое значение, чем в старой Европе. Там она – выражение мысли, служащей источником жизни для общества в каждую эпоху его исторического развития. У нас литература – приятное и полезное, невинное и благородное препровождение времени, и для писателя и для читателя. Исключения из этого правила так редки, что не стоит упоминать о них. Наши писатели (и то далеко не все) только одною ступенью выше обыкновенных изобретателей и приобретателей; наши читатели (и то далеко не все) только одною ступенью выше людей, которые в преферансе и сплетнях видят самое естественное препровождение времени. Оттого у нас все писатели, и хорошие и худые, равно читаются и почитаются, равно имеют ограниченный круг нравственного влияния и равно скоро забываются. Исключение остается только за писателями, которые уж слишком по плечу обществу и слишком хорошо угодили его вкусу, удовлетворили его потребностям: таковы, например, гг. Марлинский и Бенедиктов, которых и теперь еще очень любят даже в столицах, а в провинции знают наизусть. Поэтому женщина у нас смело может пускаться в писательство: если она не всегда может надеяться стать слишком высоко, зато никогда не должна бояться затеряться в задних рядах писак. Это тем вернее, что женщины, которые когда-либо пускались на Руси в авторство, всегда обладали известною степенью образованности, знанием хоть французского языка; при этом им немало служит и врожденный женской натуре такт приличия и здравого смысла; тогда как несравненно большая часть пишущих в России мужчин попали в писатели нечаянно и без всякого приготовления, а потому и не знают даже первых оснований грамматики своего родного языка, да и принадлежат еще к такому кругу понятий, из которого совсем не следовало бы показываться в печати. В доказательство справедливости наших слов указываем на длинную вереницу сочинителей вроде гг. Милькеева, Славина, Кузьмичева, Зотова, Воскресенского, Классена, Сигова, Антипы Огородника, Тимофеева, Зражевской, Бурачка, Мартынова, Кропоткина, Скосырева, Жданова, Шелехова, Куражского, Ильина и многих иных, которых перечисть не достанет ни терпения, ни времени, ни места в статье. Скажут: бездарные люди всегда заваливали литературу мусором своих сочинений. Правда, и прежде – в доброе классическое время нашей литературы, бездарных писак, так же как и теперь, было больше, чем даровитых писателей; но тогда не было между пишущим народом людей безграмотных; тогда все старались писать в тоне порядочного общества, и не воспевали в стихах российского сиводая{4} и кабаков (как это недавно сделал г. Милькеев), и не восхищались тем, что Ломоносов был подвержен несчастной страсти невоздержания, от которой и погиб рано. В прежние времена пришли бы в ужас от такого романтизма. Но в наше время так называемый романтизм освободил писак от здравого смысла, вкуса, грамматики, логики, порядочного тона, даже опрятности и чистоплотности, – и все эти господа-сочинители стали выезжать в своих романтически-народных произведениях на разбитых носгах, фонарях под глазами, зипунах, лаптях, мужицких речах и поговорках, кабаках и харчевнях. И все это ими представляется и описывается без всякого юмора, без всякой сатирической цели, но с добродушным и добросовестным восторгом и удивлением к своим неопрятным вымыслам: ссылаемся опять на того же г. Милькеева, который, вдохновившись сивухою, воспел ее в дифирамбе без всякой иронии, важным, торжественным и патетическим тоном{5}.

К чести русских женщин-писательниц надобно сказать, что между ними примеры подобного романтизма, или безграмотности, составляют исключения из общего правила, – исключения, которые остаются за немногими, теми, которые, соблазнившись некоторыми журналами, пустились гуторить в них народную (то есть огородническую) речь...{6} Все другие, обладая большим или меньшим талантом, все-таки отличаются большею или меньшею грамотностью, уважением к приличию и отвращением к площадной и харчевенной народности. Между тем в их последовательном явлении одна за другою есть нечто вроде прогресса, – и Анна Бунина и Зенеида Р-ва представляют две совершенные противоположности, не по одному таланту, но и по направлению и духу их произведений. Здесь мы считаем кстати сделать короткое обозрение литературной деятельности русских женщин. В каталоге Смирдина{7} мы встречаем имена следующих женщин, занимавшихся переводами с иностранных языков на русский: Марья Сушкова (перевела «Инки» Мармонтеля в 1778 году), Марья Орлова (1788), Катерина и Анна Волконские (1792), Корсакова (1792), Нилова (1793), Баскакова (1796), Марья Базилевичева (1799), Марья Иваненко (1800), Лихарева (1801), Настасья Плещеева (1808), Марья Фрейтах (1810), Катерина де ла Мар (1815), Татищева (1818), Беклемишева (1819), Бровина (1820), Вишлинская, А. и Катерина Воейкова, Анна и Пелагея Вельяшевы-Волынцева, Вера и Надежда Кусовниковы, Настасья Гагина, Катерина Меньшикова, А. Мухина{8}. Из этого списка видно, что наши дамы рано приняли участие в отечественной

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
литературе. В 1789 году были изданы «Лучшие часы жизни моей» Марьи
Поспеловой{9}; а в 1801 г. ее же «Черты природы и истины, или Оттенки мыслей и
чувств моих»., Еще ранее, именно в 1774 г. (стало быть, шестьдесят девять лет
назад тому), Катерина Урусова издала свою эпическую поэму в пяти песнях «Полной,
или Просветившийся нелюдим», Александра Хвостова издала в 1796 году «Камин и
ручеек». Г-жи Москвины издали свои стихотворения, под заглавием «Аония», в 1802
году. Девушка Волкова издала в 1807 <году> свои стихотворения. Г-жа Наумова
издала свои стихотворения в 1819 году под именем «Уединенной музы закамских
берегов». Г-жа Любовь Кричевская обнаружила особенную плодовитость, в сравнении
с исчисленными нами писательницами: она издала «Мои свободные минуты, или
Собрание сочинений в стихах и прозе, Любви Кричевской» (Харьков, 1818); драму в
трех действиях «Нет добра без награды» (Харьков, 1826); «две повести» (Москва,
1827) и «Исторические анекдоты и избранные изречения известных людей» (Харьков,
1827). Хотя сочинение г-жи Анны Волковой «Утренняя беседа слепого старца с своею
дочерью» издано в 1824 году, но по наивному заглавию и, вероятно, по такому же
содержанию оно может быть смело отнесено к произведениям семисот семидесяти
лет. Впрочем, это произведение той же самой г-жи Волковой, которая в 1807 году
издала свои стихотворения и в 1826 еще писала стихи. Г-жа Титова издала в 1810
году драму в пяти действиях «Густав Ваза, или Торжествующая невинность»; г-жа
Катерина Пучкова – «Первые опыты в прозе» (Москва, 1812); а в 1817 году г-жа
Марья Болотникова издала «Деревенскую лиру, или Часы уединения». Но что все эти
писательницы перед знаменитою в свое время г-жою Анною Буниною? Она писала в
журналах и потом отдельно издавала труды свои, писала и переводила в стихах и в
прозе, занималась не только поэзией, но и теорией поэзии. В 1808 году она издала
труд свой под названием «Правила поэзии, сокращенный перевод аббата Бате, с
присовокуплением российского стопосложения»; в 1810 году издала она «О счастии,
дидактическое стихотворение»; в 1811 издала она свои «Сельские вечера»; в
1809–1812 – «Неопытную музу Анны Буниной» в двух частях; в 1819–1821 вышло
«Собрание стихотворений Анны Буниной» в трех частях. Знаменитейшее произведение
г-жи Буниной была нравственная поэма ее «фаэтон». Она, кажется, перевела также и
«Науку о стихотворстве» Буало и вообще не уступала графу Дмитрию Ивановичу
Хвостову ни в таланте, ни в трудолюбии, ни в выборе предметов для своих
песнопений{10}. Собрание стихотворений г-жи Анны Буниной было издано Российской
академией. Но и г-жою Буниною не оканчивается еще блистательный список старинных
наших писательниц. Есть еще одна, не менее знаменитая, хотя и менее известная.
Знаете ли вы девицу Марью Извекову, читали ли вы романы девицы Марьи
Извековой?.. Если нет, то бегите в книжную лавку, попросите книгопродавца
порыться в его погребах и кладовых – этих книжных кладбищах – и отыскать вам
романы девицы Марьи Извековой, если их еще не съели мыши, и прочтите их как
можно скорее. Чтоб помочь вам в ваших поисках, мы поименуем ее романы. Их
немного, всего три, да зато куда хороши! «Эмилия, или Печальные следствия
безрассудной любви» (4 ч., 1806); «Милена, или Редкий пример великодушия»
(1809); «Торжествующая добродетель над коварством и злобою» (3 ч., 1809). Каковы
одни заглавия – так и дышат чистейшею нравственностью! А содержание – еще лучше,
еще нравственнее, хотя, надо признаться, и невообразимо скучно. Его составляют
происшествия, в которых действуют лица без образа; герои, а особенно героини,
отличаются необыкновенною говорливостью. Так, например, вы уже знаете через
самого автора, что тогда-то и тогда-то было с героинею: нет, она сама начнет вам
пересказывать, и гораздо длиннее, чем автор уже рассказал вам, хотя и сам автор
не любит выражаться коротко. Романы г-жи Извековой, кроме чистейшей
нравственности, насквозь проникнуты еще и нежнейшею чувствительностью, и,
вероятно, многих слез стоили они прекрасным читательницам того времени,
теперешним почтенным нашим тетушкам и бабушкам. И неблагоприятное потомство забыло
девицу Марью Извекову, забыло совсем!.. Что ж после этого прочно под луною? Где
Греция, где Рим? – спрашивал Байрон в своем «Чайльд Гарольде»; где романы девицы
Марьи Извековой – часто спрашиваю я самого себя с глубокою тоскою и печально
смотрю на современные произведения русской литературы...{11} Увы! везде мрачное
царство смерти, везде ее ужасное владычество, везде – даже и в книжном мире! Эта
мысль с особенною силою поражает нас, которые столько пережили, еще не успев
состариться, которые с такою надеждою, такою гордостью встретили столько великих
произведений, теперь уже умерших для света. Где теперь все эти «киргизские» и
другие «пленники», где все это множество романтических поэм, длинную вереницею
потянувшихся за «Кавказским пленником» Пушкина{12} и «Чернецом» Козлова? Увы! не
только эти скороспелые произведения недопеченного романтизма, тогда так
восхищавшие нас, не только они не могут теперь останавливать нашего внимания, но
мы не нашли бы в себе достаточной отваги, чтоб перечитать «Чернеца»; и даже
«Руслана и Людмилу» и «Кавказского пленника» мы теперь перелистываем с улыбкою..
Где теперь нравоописательные и нравственно-сатирические романы г-на Булгарина,

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru где его пресловутый «Иван Выжигин», которого так сильно бранили назад тому лет четырнадцать? Где «Черная женщина» г-на Греча и «Фантастические путешествия» Барона Брамбеуса? Все там же, где и «Корсар» г. Олина, и «Князь Курбский» г. Бориса Ф(Ө)едорова, и романы девицы Марьи Извековой!.. Давно ли «Московский телеграф» казался чудом учености, глубокой философии и здравой критики; давно ли казалось, что в своем ходе он опережал самое время? Давно ли «Юрий Милославский» считался великим национальным романом? А где слава наших романтических поэтов? И кто не считался назад тому около двадцати лет, кто не считался тогда великим романтическим поэтом? Даже г. Шевырев и сам считал себя и другими многими считался поэтом – и все это за довольно плохие стишонки. Давно ли сей великий муж российской словесности хлопотал о введении в русское стихосложение скрипучих октав? И как напрасно теперь силится он, помня старину, блеснуть то плохим стихотворением, то неслыханно оригинальною критическою статьею!{13} И как напрасно вместе с ним, помня доброе старое время, гг. Языков и Хомяков стараются спастись от волн Леты, хватаясь за обломки угла в славянской журналистике челнока – «Москвитянина»...{14} А колоссальная слава гг. Марлинского и Бенедиктова – где же теперь она, если не там, где и слава романов девицы Марьи Извековой?

С появления Пушкина гораздо больше стало являться на Руси женщин-писательниц; но известных имен между ними стало меньше. Это оттого, что имена людей, действовавших в начале зарождающейся литературы, пользуются известностью даже и без отношения к их таланту. Когда же литература уже сколько-нибудь установится, тогда, чтоб получить в ней почетное имя, нужно иметь замечательный талант. И так, мы помним, в пушкинский период русской литературы, только четыре женские имени; княгини З. А. Волконской, которой Пушкин посвятил своих «Цыган», г-ж Лисицыной, Готовцевой и Тепловой. В стихотворениях трех последних проглядывает чувство, особливо в стихотворениях г-жи Тепловой; это уже большая разница от произведений прежних стихотвориц: то были плоды невинных досугов, поэтическое вязание чулков, рифмотворное шитье, а здесь уже проблескивала поэзия. Правда, помянутые нами стихотворицы мало писали, и только стихотворения одной г-жи Тепловой собраны в отдельную книжку-малютку;{15} но может ли быть плодovита поэзия, основанная не на мысли, а на одном непосредственном чувстве?.. Чувства никак нельзя отнять у стихотворений г-жи Тепловой, и это чувство высказывалось у ней в более или менее поэтических стихах. Напомним здесь нашим читателям хоть одно стихотворение г-жи Тепловой; возьмем наудачу так называющееся «К сестре»:

Когда наступит час желанный
Разлуки с жизнью туманной,
И от земных тяжелых уз
Я равнодушно отложусь, –
Мир вечной жизни тихий, ясный,
Тогда почиет на челе;
Но пережить тебя ужасно,
Покинуть тяжко на земле!
Тогда в душе для услажденья
Минуты смертного томленья
Я положу завет святой...
И жди меня в часы полночи,
Когда людей смежатся очи
И месяц встанет над рекой.
Приду на краткое свиданье,
Скажу, что я узнала там,
И замогильные желанья
И тайну неба передам.

Оставя в стороне ребяческую мысль этого стихотворения, кто, однако же, не согласится, что оно вылилось из души и полно чувства?

Теперь скажем по несколько слов о женщинах-писательницах, явившихся в последнее время. Елисавета Кульман оставила после себя претолстую книгу, свидетельствующую о ее необыкновенно возвышенной душе, страстной к изящному и умевшей через строгое и основательное изучение обрести в эллинской поэзии осуществленный идеал этого изящного, но вместе с тем свидетельствующую и о том, что любовь к поэзии и способность понимать ее и наслаждаться ею не всегда одно и то же с талантом поэзии...{16} Г-жа Павлова (урожденная Яниш) обладает необыкновенным даром переводить стихами с одного языка на другой; с равным успехом переводит она с английского, немецкого и французского языков на русский и с русского языка на немецкий и французский. Жаль только, что этому превосходному таланту г-жи Павловой переводить не соответствует ее талант выбирать пьесы для перевода. Так,

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru например, с английского она перевела на русский несколько шотландских и английских народных баллад, которые, несмотря на превосходный перевод, не могут иметь на русском никакого значения именно потому, что они – народные. На немецкий язык, вместе с некоторыми пьесами Пушкина, перевела она некоторые пьесы гг. Языкова и Хомякова и тем самым, несмотря на превосходный перевод, отбила охоту у немцев интересоваться русской поэзией. И в то же время г-жа Павлова с таким удивительным искусством передала на французский язык, стихами, «Полководца» Пушкина и «Орлеанскую деву» Шиллера. Одним словом, если б способность выбора соответствовала ее таланту, г-жа Павлова своими превосходными переводами усвоила бы себе прочную славу не в одной только русской литературе{17}. – Графиня Е. П. Ростопчина, выступившая на литературное поприще с 1835 года,{18} в первых опытах своей поэтической деятельности обнаружила много чувства и одушевления, при отсутствии, впрочем, какой бы то ни было могучей мысли, которая проникала бы собою все ее произведения. То, что в стихотворениях графини Ростопчины может иным показаться мыслию, есть не что иное, как отвлеченные понятия, одетые в более или менее удачный стих. Это особенно заметно в ее последних стихотворениях (начиная с 1837 года по сие время), в которых нельзя узнать прежнего стиха даровитой стихотворицы и в которых все мысли и чувства кружатся, словно под музыку Штрауса, и скачут, словно под музыку модного галопа, или около я автора, или в заколдованном кругу светской жизни, не выходя в сферу общечеловеческих интересов, которые только одни могут быть живым источником истинной поэзии. – в 1839–1840 годах были изданы, в прозаическом русском переводе, стихотворения графини Сары Толстой, писанные ею на немецком, английском и французском языках. Эти стихотворения понятны только в целом и в связи с жизнью юной стихотворицы, похищенной смертью на восемнадцатом году ее жизни. Все эти стихотворения проникнуты одним чувством, одною думою, и то чувство – меланхолия, та дума – мысль о близком конце, о тихом покое могилы, украшенной весенними цветами... У Сары Толстой это монотонное чувство и эта однообразная дума высказались поэтически. Стихотворения Сары Толстой нельзя читать как только произведения поэзии, но и вместе с тем как поэтическую биографию одной из самых странных, самых оригинальных, самых поэтических, и по натуре, и по судьбе, и по таланту, и по духу, личностей. Это прекрасное явление промелькнуло без следа и памяти... Да и кому нужна у нас замечать такие явления, не состоящие ни в каком классе?.. Может быть, в этом случае, заслуженная известность Сары Толстой много потеряла от того, что ее стихотворения изданы не для публики, а для тесного круга ее родных и знакомых, и притом в довольно плохом переводе и с дурно написанным предисловием...{19} – К замечательным явлениям последнего времени русской литературы принадлежат повести г-жи Жуковой. В них много чувства, и они отличаются прекрасным рассказом: вот их неотъемлемые достоинства. Но вместе с тем они чужды иронии, жизнь в них представляется не в ее собственном цвете, а раскрашенная розовою краскою поддельной идеализации, и оттого характеры действующих лиц иногда не выдержаны, а иногда и вовсе ложны, и замечается отсутствие целого при прекрасных частностях. Одним словом, даровитая г-жа Жукова принадлежит к тому ряду писателей, которые изображают жизнь не такую, какова она есть, следовательно, не в ее истине и действительности, а такую, какою им хотелось бы ее видеть. Но при всем этом в повестях г-жи Жуковой уже видно как бы невольное стремление, вследствие духа времени, – искать сюжетов в действительной современной жизни и заботиться о естественном изображении подробностей быта и ежедневной жизни героев, сообразно с их положением в обществе и степенью их образованности. Вообще, главное достоинство повестей г-жи Жуковой – теплота чувства, и главный их недостаток – отсутствие такта действительности{20}.

Нельзя сказать, чтоб в повестях Зенеиды Р-вой русская повесть достигла талантом женщины своего полного развития, чтоб она стала выражением созревшей мысли и верною картиною современного общества; но в то же время нельзя не сказать, что ни одна из русских писательниц не обладала такою силою мысли, таким тактом действительности, таким замечательным талантом, как Зенеида Р-ва. Созданная ею повесть, как ее талант и жизнь, остановились на полудороге и не дошли до своего полного и конечного развития{21}. Мы не хотим и упоминать о полноте чувства, которою проникнуты повести Зенеиды Р-вой; это должно само собою подразумеваться, когда дело идет о сильном таланте: какого же порядочного математика хвалят за способность комбинировать и соображать? И потому мы прямо приступим к тому, что составляет существенное достоинство повестей Зенеиды Р-вой, – к их мысли.

В истинно поэтических произведениях мысль не является отвлеченным понятием, выраженным догматически, но составляет их душу, разлитая в них, как свет в хрустале. Мысль в поэтических созданиях – это их пафос, или патос. Что такое

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru пафос? – страстное проникновение и увлечение какою-нибудь идеей. Отсюда происходит и слово «патетический». Что называется «патетическим» в драме? – Энергия раздраженного чувства, которое бурными волнами огненной речи изливается из уст действующего лица. В таких монологах всегда видно трепетное, страстное проникновение действующего лица той идеею, которая составляет собою невидимую пружину всей его деятельности, всей энергии его воли, готовой на все для достижения своей цели. Вот этот-то пафос и составляет собою базис и фон творений всякого замечательного поэта. Что же составляет пафос повестей Зенеиды Р-вой? Без сомнения, любовь, ибо все ее повести основаны исключительно на одном этом чувстве. Но любовь есть понятие слишком общее, которое у всякого истинного таланта должно принять более или менее индивидуальный оттенок или представляться под особенною точкою зрения. Посему мало сказать, что любовь составляет пафос повестей Зенеиды Р-вой: надо прибавить – любовь женщины. Все повести этой даровитой писательницы проникнуты одним страстным чувством, одною живою идеею, одним могучим созерцанием, не дающим покоя автору и тревожно его наполняющим, созерцанием, которое можно выразить такими словами: как умеют любить женщины и как не умеют любить мужчины.

Итак, основная мысль, источник вдохновения и заветное слово поэзии Зенеиды Р-вой есть апология женщины и протест против мужчины... Обвиним ли мы ее в пристрастии, или признаем ее мысль справедливою?.. Мы думаем, что справедливость ее слишком очевидна и что нам лучше попытаться объяснить причину такого явления, чем доказывать его действительность.

Окинем беглым взглядом содержание всех повестей Зенеиды Р-вой. Первая – «Идеал»{22}. Прекрасная, исполненная ума, души и сердца женщина, закабаленная волею родных в позорное рабство продажного брака, обращает всю силу страстного стремления своей любящей природы на восхитившего ее своими созданиями поэта и потом самым ужасным для себя образом узнает, что этот поэт, этот ее идеал, бессовестно играл ею, завлекая ее мнимой своею взаимностию. Это открытие стоило ей злой горячки и потом полного разочарования в возможности какого бы то ни было счастья на земле; а поэту, идеалу, это ровно ничего не стоило – он остался здоров и счастлив вполне... Вот каковы мужчины в любви! А женщины? – посмотрите, как описывает автор своим цветистым и энергическим языком состояние бедной, разочарованной героини ее повести:

Я видела молодую птичку в весне ее жизни: она в первый раз выпорхнула из теплого гнезда; ей представились небо, красное солнце и мир божий: как радостно забилося ее сердце, как затрепетали крылья! Заранее она обнимает ими пространство; заранее готовится жить и с первым стремлением попадает в руки ловчего, который не оковывает ее цепями, не запирает в клетке, нет, он выкалывает ей глаза, подрезывает крылья, и бедная живет в том же мире, где были ей обещаны свобода и столько радости; ее греет то же солнце, она дышит тем же воздухом, но рвется, тоскует и, прикованная к холодной земле, может только твердить: не для меня, не для меня! Если б заперли ее в железную клетку, она бы исклевала ее и пробилась на волю или, метаясь, израненная острием железа, без сожаления рассталась бы с остальною половиною жизни, когда лучшая половина у нее отнята. Но она не в клетке; не крепкие стены окружают ее; она свободна, и между тем вечная мгла, вечное бездействие – вот удел моей птички! Вот удел Ольги! Героиня повести «Утбалла»{23} всем жертвует – даже жизнь, решаясь на страшную смерть от руки диких извергов, чтоб доставить милому минутку упоения любовью... И Утбалла – эта очаровательная калмычка – гибнет жертвою своей великодушной решимости, а ее возлюбленный, тот, кому принесла она в жертву молодую жизнь свою? – Через несколько лет его видели в Петербурге, в чине полковника, гуляющего по Английской набережной под руку с прелестною женщиною... Кто она, эта женщина, – родственница или подруга жизни? «Которому известию верить!.. (говорит автор) кажется, второе достовернее!..»

В повести «Медальон»{24} представлены две великодушные, любящие женщины против одного негодая, изверга-мужчины. Одна из них, жертва обольщения коварного светского человека, ослепла от слез, узнав его вероломство; другая, сестра ее, завлекает его тонким кокетством, влюбляет в себя, и, когда он готов на все, даже жениться на ней, отказываясь от выгодной партии, она читает ему, при многочисленном обществе, будто бы сочиненную ею повесть, а в самом деле рассказ о его преступном поступке с ее сестрою, открывает медальон и показывает ему портрет его жертвы, своей слепой сестры... Модный изверг, смущенный и взбешенный, вполне почувствовал ядовитую горечь женского мщения...

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

В повести «Суд света»{25} представлен мужчина, способный к любви на жизнь и на смерть, но все-таки не умеющий любить: недостаток доверенности и дикая, зверская ревность к любимой женщине увлекают его к безумному убийству и губят навсегда предмет его любви. А эта женщина умела любить – и за то погибла жертвою того, кого любила...

«Теофания Аббиаджио» – решительно лучшая из всех повестей Зенеиды Р-вой, есть самая злая сатира на мужчин, самая неумолимая улика им в их тупости и близорукости в деле любви{26}. Александр Долиньи, герой повести, человек с глубоким чувством, с благородною душою, с характером не только возвышенным, но и сосредоточенным, непоколебимо твердым, – и, несмотря на все это, в вопросе о любви он так же ничтожен, так же пошл, как и все вообще мужчины. – И зато в каком колоссальном величии является перед ним Теофания, которую он, в мужской слепоте своей, считал за натуру холодную и неспособную к любви, и которую он променял на светскую кокетку, правда, не лишенную страсти, но пустую и мелочную... Как жалок и смешон этот Долиньи, сконфузившийся от вопроса своего знакомого о висевшем у него на фраке ордене и догадавшийся, из рассказа знакомого, какую глубокую страстью горела к нему Теофания... И как возвышенна эта Теофания в ее молчаливом и гордом страдании, в ее свободном примирении с мыслию о бесплодно погибшей жизни и о разрушенных навеки лучших надеждах ее!..

В «Любиньке»{27} опять мужчина не умеющий понять любимой им женщины, слепой и ограниченный в деле любви, несмотря на все свои достоинства в других отношениях, несмотря на то, что он человек благородный, душа восторженная и любящая... И опять женщина подавляет мужчину своим великодушием, своею безграничною преданностию и светлым самопожертвованием в деле любви...

И вот мы насчитали уже шесть повестей, проникнутых все одною и тою же мыслию. Есть, правда, у Зенеиды Р-вой две повести, в которых мужчины показаны даже очень и очень порядочными людьми. В «Джеллаледине»{28} дело представлено даже совсем наоборот. Пламенный, мечтательный, благородный татарский князь делается жертвою своей безумной страсти к пустой, легкой женщине. Сочинительница говорит от себя в конце, что она встретила героиню своей повести уже бабушкою и старую сплетницу, лицемерного моралисткою. Но не доверяйте в этом случае искренности сочинительницы: подле пустой женщины она, в своей картине, искусно поместила интересную фигуру молодой татарки Эмины, которая... но мы лучше напомним о ней читателям словами самого автора. Описавши погребение ошибкою убитого Джеллаледином Белоградова, сочинительница продолжает:

Неподалеку оттуда, у взморья, где между горами камней растут можжевельник и колючий терн, валялось другое тело, не удостоенное даже погребения... Ужасны были черты покойника, в которых самая смерть не могла восстановить спокойствия; на посиневшем лице, в полуоткрытых глазах еще отражались страсти и горе; одежда его была изорвана, грудь обнажена и облита кровью, в широкой ране торчало еще лезвие кинжала, пальцы замерли и окостенели, крепко сжимая рукоять...

Напрасно Эмина молила татар и русских предать тело несчастного земле: магометане видели в нем вероотступника и справедливое мщение пророка; христиане отвергали как преступника и самоубийцу... Сердце, истерзанное живо людьми, осуждено было и по смерти на истерзанье хищным птицам. Одна, верная подруга, не покинула его; без слез, без стонов она сидела у трупа на камне, сметала сухие листья, падавшие ему на голову, и порой отгоняла ворона, который с криком опускался к своей добыче. Не скоро один старый казак, тронувшись положением молодой девушки, вырыл на том же месте могилу и с молитвой опустил в нее полуистлевшее тело. Девушку отвели в деревню, она убежала; ее заперли, она избилась, порываясь на волю. Татары решили, что ею овладел шайтан, который загрыз их князя, и выпустили ее из деревни. Безумная поселилась у взморья; ни осенние бури, ни зимние метели не могли прогнать ее; днем и ночью она стерегла могилу; иногда кордонные казаки, проезжая мимо, бросали ей хлеб и спешили удалиться... Долго белое покрывало веяло у взморья и пугало суеверных, наконец и оно исчезло. Девушку нашли лежащую ниц на могиле; пальцы ее врылись в землю, даже рот был полон земли: видно, бедняжка, в припадке безумия, хотела отнять у могилы ее достояние – своего незабвенного, вечно милого друга...

И этот Джеллаледин при жизни своей никогда не догадывался и не подозревал, что Эмина любит его со всем пылом восточной страсти, хотя это и не мудрено было бы заметить ему, – и вместо Эмины привязался всею силою глубокого, энергического чувства к пустой, легкомысленной девчонке... Знаете ли что? – нам кажется, что мы, назвав эту повесть исключением из общего направления всех повестей Зенеиды Р-вой, должны взять назад наше слово. Нет, это еще более злая сатира на мужчин,

Вот другое дело повесть – «Номерованная ложа»;^{29} ее искренности можно поверить, хотя в ней мужчина представлен очень и очень порядочным человеком в его отношениях к любимой им женщине. Но зато эта повесть, с такую счастливою развязкою, уж чересчур сладенька, а потому и недостойна имени своего автора. Счастливая развязка, как всякая ложь, часто портит повесть...

Содержание семи повестей, так, как оно изложено нами, достаточно знакомит читателя с пафосом поэзии Зенеиды Р-вой. Теперь мы укажем на места, в которых прямо и сознательно выговаривается задушевная мысль сочинительницы.

Вот что говорит она в конце повести «Джеллаледин»:

Отраднa мысль, что наши заботы, тревоги пролетают, как гул в безграничности пустыни, вздымая лишь несколько песчинок, пробуждая только слабый отголосок эха, и оставляют по себе едва заметное потрясение в воздухе, которое, разбегаюсь в невидимых кругах, все слабее, чем далее от точки ударения, исчезает, подобно самому звуку, в пространстве.

Но грустно думать, что в этой бедной связке дней, называемых жизнью, так мало мгновений, достойных названия жизни! Грустно видеть, как часто души чистые, возвышенные, прекрасные, сродняются с душами слабыми, мелочными, созданными только для материального прозябания в болотах земных. Опутанная нерасторгаемыми узами своих собственных чувств, сильная не может покинуть своей ничтожной подруги, она порывается с ней к поднебесью, хочет унести ее в свою родину, отогреть ее лучами любви своей, облить ее своим блаженством... Напрасно! Душа слабая не окрилится, не взлетит из холодных долин в страны заоблачные; порой на миг, восторженная любовью прекрасной подруги своей, она стремится взорам к небесам, но ее пугают и блеск солнца и стрелы молнии; она страшится доли сына Дедалова и, притягивая к себе свою невинную добычу, медленно губит ее или безжалостно разрывает узы, связывающие ее с нею, не помышляя о том, что узы те срослись с жизнью ее подруги, составлены из фибров сердца ее и что, расторгая их насильственной рукой, она убивает ее существование!.. Вот почти обыкновенная доля душ, которых люди называют возвышенными, прекрасными и которым провидение, давая все способности, всю силу постигать, чувствовать и ценить счастье жизни, отказывает только... в самом счастье!..

И роль чистых, возвышенных и прекрасных душ, по мнению сочинительницы, выпала преимущественно на долю женщин, тогда как роль души слабой досталась исключительно мужчинам. Хотите ли доказательства, что так именно думала даровитая Зенеида Р-ва? – Вот ее собственные слова:

Любовались ли вы иногда облаками в час вечерний, когда они стелются на небосклоне, развиваются беспредельною цепью и сквозь сумрак обманывают взор наблюдателя, рисуясь то синими горами, то лесом, то воздушным дворцом феи? И вот они сжимаются, теснятся и образуют одну грозную, черную тучу. Издалека несется глухой рокот; он вырывается из груди ее, будто стон людского предчувствия, и вдруг огненная струя прорезывает мглу, извивается змеем, гаснет, изрыгнув пожар и воду на оробевшую землю. Бесперывные удары грома потрясают воздух, окрестность вторит его перекатам, дождь льет ручьями, вихрь ломает деревья, люди с трепетом думают, что настал последний день мира. Но проходит час, – гроза умолкла, черная туча рассеялась и не осталось никаких следов мятежа стихий: небо опять чисто и ясно, и земля, как испуганное дитя, улыбается сквозь слезы, которые еще дрожат на ее лице. Еще час, и все возвратится к прежнему спокойствию.

Поэты до сих пор доискиваются тайного, нравственного смысла этого великого представления природы; а я так думаю, что это просто – пародия печали и отчаяния мужчин.

Но есть облако другого рода: оно медленно скопляется из паров сухой, бесплодной почвы; ни один живой источник, ни одно озеро не посылают ему должной доли, и, незаметное, как тень, оно скитается по поднебесью, не имея силы ни жить, ни умереть. С зарей вы видите его на востоке: оно ожидает появления солнца и, кажется, молит светило, чтоб первые лучи истребили его, чтоб огонь полудня растопил несчастную горсть паров. Солнце всходит и гордо совершает свой путь, не замечая бледного облака. В час вечера, когда шар без лучей опускается в морскую пучину, вы видите то же самое облако на западе: оно просится в бездну, жаждет утонуть в ее холодных объятиях. Солнце снова отталкивает его, бросается в лазоревое ложе, а облако, по-прежнему печальное, одинокое, идет скитаться в пустыне поднебесной.

Это облако – печаль и отчаяние женщины.

Тоска женщины не пугает людей бурными порывами: ее никто не видит и не замечает; она западает глубоко в сердце и точит его, как червь точит корень водяной лилии. Если веселие мелькнет случайно на лице страдальцы, ее улыбкой полюбуется равнодушный прохожий, как белоснежными листьями цветка, плавающего на поверхности вод, не думая даже о том, что в корень бедной лилии всосался болотный червь, что в груди ее губительный недуг, что яд струится по всем ее жилам и что этот червь умрет только под гнетом камня могильного.

Мы совершенно согласны с автором насчет превосходства женщин над мужчинами в деле любви; мы принимаем это превосходство за факт, по подлежащий никакому сомнению, и только постараемся, как сумеем, объяснить причину такого явления. Начнем с того, что женщина более, чем мужчина, создана для любви самою природою. Женщина – представительница земного, производительного и хранительного начала, тогда как мужчина представитель начала умственного, отвлеченного, олимпийского. Отсюда происходит великая разница в семейственном значении женщины и мужчины. Женщина – мать по призванию, по душе и по крови. Мать есть понятие живое, действительное, фактически существующее, тогда как отец есть понятие более или менее условное, более или менее относительное. Мать любит свое дитя сердцем, кровью, нервами, любит его всем существом своим; ее любовь прежде всего физическая, естественная, следовательно, любовь по преимуществу, любовь как любовь. Она носит свое дитя у себя под сердцем, девять месяцев питает и растит его своею кровью, чувствует в себе первые жизненные его движения; оно, это дитя – плоть от плоти ее и кость от костей ее; она рождает его на свет в муках и страданиях и, вместо того чтоб возненавидеть именно за них-то, за эти муки и страдания, еще более любит его. Это маленькое, слабое, крикливое, неопрятное и деспотическое существо с первого дня своего появления на свет делается предметом нежнейших попечений и неусыпных забот своей матери: она любит его безобразием, как красотой; его красная морщиноватая кожа только манит ее поцелуи; в его бессмысленной улыбке она видит чуть не разумную речь и готова начать с ним говорить; ей не противно наблюдать за чистотою этого маленького животного; ей не тяжело не спать ночи, бодрствуя над его ложем. И она – бедная мать – будет любить его всегда, и прекрасного и безобразного, и умного и глупого, и доброго и злого, и добродетельного и порочного, и славного и неизвестного... Она равно рыдает и над гробом своего дитяти-младенца и над гробом своего сына-старика или своей дочери-старухи. Ангел-хранитель младенчества детей своих, она друг их юности, возмужалости и старости. Нет жертвы, которой бы не принесла она для детей; их счастье – ее счастье; их несчастье – ее несчастье. Нет ничего святее и бескорыстнее любви матери; всякая привязанность, всякая любовь, всякая страсть или слаба, или своекорыстна в сравнении с нею! Любовница, жена любит вас для себя самой, ваша мать любит вас для вас самих. Ее высочайшее счастье видеть вас подле себя, и она посылает вас туда, где, по ее мнению, вам веселее; для вашей пользы, вашего счастья она готова решиться на всегдашнюю разлуку с вами.

Конечно, таких матерей немного на белом свете; но ведь и женщин тоже мало в этом мире, а много в нем самок...

Совсем иначе любит отец своих детей. Во-первых, он любит их только тогда, когда и мать их любима им: во-вторых, он начинает их любить только с тех пор, как они начнут становиться и милы и забавны. Их крика и доуки он не любит. Источник любви отца к детям всегда или эгоизм, или рефлексия, и никогда – природа. «Они мои дети – они на меня похожи – они продолжат мое имя – я прижил их от моей милой – они обнаруживают большие способности – они много обещают в будущем», – думает про себя дражайший родитель, – и он в восторге от мысли, что он любит своих детей, что он не только нежный супруг, но и примерный отец! Правда, и отец может страстно любить детей своих, когда его с ними соединит нравственное, духовное родство; но так же точно может он любить и приемша, даже еще больше, чем собственных детей.

Что мать есть понятие действительное, а отец – понятие отвлеченное (говоря философским языком), этому может служить доказательством и то, что мать не может не знать, что именно она сама, а не кто-нибудь другая, мать этого ребенка: ибо она девять месяцев носила его под сердцем и в болезнях деторождения произвела его на свет... Отцы считают себя отцами детей своих, опираясь только на свидетельстве жен своих, не всегда непреложно истинном... Для всякого человека – большое несчастье не знать своей матери; для многих большое счастье – не знать своих отцов...

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Все люди равно рождаются для любви, и без любви ни для кого из людей нет ни истинного счастья, ни истинной жизни; но любовь женщины есть более любовь, чем любовь мужчины; в любви женщины больше кровного, а потому и больше страстного, – тогда как в любви мужчины больше мыслительного, если можно так выразиться. Давно уже было замечено, что женщина мыслит сердцем, а мужчина и любит головою. Эту разницу в характере любви того и другого пола показали мы в разнице любви матери и любви отца.

Та же самая разница найдется и во всякой другой любви. Замочено, что мужчины в любви больше эгоисты, чем женщины. Если женщина эгоистка, она уже совсем не живет сердцем, не ищет любви и не требует ее; ее вся жизнь в расчете. Если же сердце женщины жаждет любви, – оно предается мужчине со всем самозабвением, со всем безрассудством слепого великодушия. Мужчина без любви не любит жить и готов на все жертвы и на всякое безрассудство – пока не достиг своей цели. Удовлетворивши своей страсти, он вспоминает о своей будущности, о своих обязанностях, о святых интересах своей души и пр., и чем более делается эгоистом, тем более видит в себе героя. Оттого женщины-кокетки, женщины умеющие владеть собою и сдающиеся не иначе, как долго мучив влюбленного в них мужчину, и даже в связи с ним умеющие мучить его, вернее и дольше владеют его сердцем. Мужчины не дорожат легкими победами, хотя бы причина их легкости заключалась в прямоте и бесхитрости преданного женского сердца. Женщины постояннее в любви, и мужчины почти всегда первые охлаждаются к старой связи и жаждут предаться новой. Эта способность внезапно охладевать и вдруг чувствовать страшную пустоту и безответность в сердце, которое недавно еще было так полно и так дружно отвечало биению другого сердца, – эта несчастная способность бывает для благородных мужских натур источником не только невыносимых страданий, но и совершенного отчаяния. Женщины всегда готовы любить, – мужчина может любить только при известной настроенности своего духа, женщине никогда и ничто не мешает любить: – у мужчины есть много интересов, могущественно борющихся с любовью и часто побеждающих ее. Женщина всегда готова для замужества, независимо от ее лет и опыта; – мужчина только в известные лета и при известном развитии через жизнь и опыт приобретает нравственную возможность жениться; ему надо дорасти и развиться до нее; иначе он несчастнейший человек через несколько же дней после своей свадьбы. Женщина, вдруг охладевшая к своему мужу и увлеченная роковой страстью к другому, – есть исключение из общего правила; мужчина с поэтически живою натурою, всю жизнь свою привязанный к одной женщине, – есть тоже очень редкое исключение.

Все это совершенная правда; но, основываясь на всем этом, еще не следует изрекать ни безусловного благословения на женщин, ни безусловного проклятия на мужчин: ибо все имеет свои причины, следственно, свое разумное оправдание.

Мы охотно соглашались в том, что сама природа создала женщину преимущественно для любви; но из этого еще не следует, чтоб женщина только на одно то и родилась, чтоб любить: напротив, из этого следует, что женщина под преимущественным преобладанием характера любви и чувства создана действовать в тех же самых сферах и на тех же самых поприщах, где действует мужчина, под преимущественным преобладанием ума и сознания. А между тем общественный порядок обрек женщину на исключительное служение любви и преградил ей пути во все другие сферы человеческого существования. Гаремы только фактически принадлежат Востоку: в идее они принадлежность и просвещенной Европы и всего мира. Известно физиологически, что каждое наше чувство с особенною силою развивается на счет других чувств: потерявшие слух лучше начинают видеть, ослепшие – лучше слышать, тоньше осязать. Удивительно ли, что вся сила духовной природы женщины выражается в любви, когда у женщины не отнято только одно право любить, а все другие человеческие права решительно отняты? Удивительно ли вместе с тем, что тогда в женщинах становится недостатком именно то, что должно бы составлять их высочайшее достоинство? Исключительная преданность любви делает их односторонними и требовательными: они, кроме любви, не хотят признавать ничего на свете и требуют, чтоб мужчина для любви забыл все другие интересы – и общественные вопросы, и общественную деятельность, и науку, и искусство, и все на свете. Это разрушает равенство: ибо тогда мужчина не совсем без основания начинает видеть в женщине низшее себя существо. Не совсем без основания, сказали мы: ибо действительно, какую сделало ее воспитание и разные общественные отношения, она – низшее в сравнении с ним существо, хотя в возможности, какую создала ее природа, она столько же не ниже его, сколько и не выше. Это равенство рождает разные отношения одной стороны к другой. В мужчине является род презрения и к женщине и к чувству любви, а вследствие этого охлаждение,

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
которое делает невыносимую неразрывность связывающих их уз. В женщине, напротив, самая опасность потерять сердце любимого ею человека только усиливает ее любовь и делает ее навязчивее и требовательнее. Сверх того, продолжительность или неизменяемость чувства может быть дорога и почтенна только как признак того, что обе стороны нашли друг в друге полное осуществление тайных потребностей своего сердца; иначе это – или простая привычка (дело тоже очень хорошее, если результат его бывает счастье), или донкихотская добродетель, способная удивлять и восхищать только сухих и мертвых моралистов-резонеров да еще романтических поэтов-мечтателей. Если внезапные охлаждения чувства к одним предметам и столь же внезапные возгорания чувства к другим предметам, если они бывают действительно: значит возможность их заключена в природе сердца человеческого, и тогда они – не преступление и даже не несчастье. Кто способен понять это, тому всегда легче перенести подобный разрыв, и тот всегда после него сохранит свое нравственное здоровье и свою способность вновь быть счастливым любовью. Из мужчин некоторые это понимают, и очень многие чувствуют это бессознательно; что же касается до женщин, из них могут понимать это разве только одаренные гениальной натурой. Женщина с колыбели воспитывается в убеждении, что она всю жизнь должна принадлежать одному, принадлежать в качестве вещи. И потому некоторые из них иногда обрекают себя после смерти мужа вечному вдовству – род индийского самосожжения на костре умершего мужа!.. Благодаря романтизму средних веков, право, мы в деле женщин ушли не дальше индийцев и турков!.. Итак, способность привязываться всеми силами души к одному предмету зависит в женщинах не от одной только природной способности к любви, но от нравственного рабства, в котором держит их общественное мнение и которому они сами покоряются с такою добровольною готовностью, с таким даже фанатизмом. Получая воспитание хуже, чем жалкое и ничтожное, хуже, чем превратное и неестественное, скованные по рукам и по ногам железным деспотизмом варварских обычаев и приличий, жертвы чуждой безусловной власти всю жизнь свою, до замужества рабы родителей, после замужества – вещи мужей, считая за стыд и за грех предаться вполне какому-нибудь нравственному интересу, например, искусству, науке, – они, эти бедные женщины, все запрещенные им кораном общественного мнения блага жизни хотя бы то ни стало найти в одной любви – и, разумеется, почти всегда горько и страшно разочаровываются в своей надежде. Изменила мужчине надежда на что-нибудь, – сколько у него выходов из горя, сколько дорог на поприще жизни, которые могут вести его к той или другой цели! Изменила женщине любовь, – ей ничего уже не остается в жизни, и она должна пасть, погибнуть под бременем постигнутого ее бедствия, или умереть душою для остального времени своей жизни, сколько бы ни продолжалась эта жизнь. Не говорите ей об утешении, не маните ее надеждою, не указывайте ей на очарование искусств, на усладу науки, на блаженство высокого подвига гражданского: ничего этого не существует для нее! Возвратите ей любовь любимого ею, пусть вновь сидит он подле нее да глядит, в упоении страсти, в ее сияющие блаженством очи! Бедная, для нее в этом столько счастья, тогда как только Манилов-мужчина способен найти в этом все свое счастье... Итак, даровитая Зенеида Р-ва, сознавши существование факта, была чужда сознания причин этого факта{30}. Но к чести ее надо сказать, что она глубоко понимала униженное положение женщины в обществе и глубоко скорбела о нем, но она не видела связи между этим униженным положением женщины и ее способностью находить в любви весь смысл жизни. Мысль об этом состоянии унижения, в котором находится женщина, составляет вторую живую стихию повестей Зенеиды Р-вой. И потому нельзя сказать, чтоб весь пафос ее поэзии заключался только в мысли: как умеют любить женщины и как не умеют мужчины любить; нет, он заключается еще и в глубокой скорби об общественном унижении женщины и в энергическом протесте против этого унижения. Повесть «Суд света» написана преимущественно под влиянием этой идеи, которая, однако ж, органически связывается с идеею о высокой способности женщины к безграничной любви. Повесть «Напрасный дар»{31} исключительно посвящена выражению идеи об общественном невольничестве царицы общества, невольничестве столько великом и безвыходном, что для женщины величайшее несчастье иметь призвание к чему-нибудь возвышенно-человеческому, кроме любви... В повести «Идеал» эта мысль высказана прямо устами героини в разговоре ее с своею подругою:

Но какой злой гений так исказил предназначение женщины? Теперь она родится для того, чтобы нравиться, прельщать, увеселять досуги мужчин, рядиться, плясать, властвовать в обществе, а на деле быть бумажным царьком, которому паяц кланяется в присутствии зрителей и которого он бросает в темный угол наедине. Нам воздвигают в обществах троны; наше самолюбие украшает их, и мы не замечаем, что эти мишурные престолы – о трех ножках, что нам стоит немного потерять равновесие, чтоб упасть и быть растоптанной ногами ничего не разбирающей толпы. Право, иногда кажется, будто мир божий создан для одних мужчин: им открыта

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
вселенная со всеми таинствами, для них и слава, и искусства, и познания, для них свобода и все радости жизни. Женщину от колыбели сковывают цепями приличий, опутывают ужасным «что скажет свет?» – и, если ее надежды на семейное счастье не сбудутся, что остается ей вне себя? Ее бедное, ограниченное воспитание не позволяет ей даже посвятить себя важным занятиям, и она поневоле должна броситься в омут света или до могилы влачить бесцветное существование!..
– Или избрать мечту и привязаться к ней всей силою души, влюбиться заочно, посылать по почте зефиров вздохи и изъяснения своему – идеалу за две тысячи верст и питаться этою платонической любовью. Не так ли?..
Первое страшно, потому что слишком серьезно, а второе странно, потому что слишком смешно и пошло – не правда ли?.. А между тем все сказанное сочинительницею – такая очевидная, такая ужасная истина... Но вот еще несколько строк из исповеди женщины в повести «Суд света»:

При беспрестанном движении войск я всюду следовала за мужем; везде, всегда была одинакова, не изменила ни мнений, ни поступков моих. Люди с умом везде дарили меня вниманием; глупцы сплетали против меня нелепые выдумки. Но есть третий сорт людей, наиболее опасный для всего, что выходит из круга обычного. Часто люди эти обладают умом и многими достоинствами, но ум их ни довольно силен, чтобы укротить владычествующее над ними самолюбие, ни довольно слаб, чтоб, ослепившись дерзкою самоуверенностью, ставить себя выше прочего видимого творения. Они чувствуют свои недостатки и всякое превосходство ближнего принимают за личное оскорбление; они не могут простить другому и тени совершенства. О, эти люди страшнее зачумленных! Над пошлым злоязычием дурака смеются; но их осторожным наветам, их обдуманной, правдоподобной клевете не могут не верить. Эти-то вольноопределяющиеся кандидаты в гении и составляют верховное судилище; они-то наиболее ожесточались против меня, и от них рассевались ядовитейшие вести.

Люди – дети, вечно озабоченные, вечно суетящиеся. Торопясь за неуловимым «завтра», имеют ли они досуг разбирать и разлагать сущность вещи, поражающей их взоры?.. Мимоходом они бросают беглый взгляд на ее наружный вид и только об этой наружности уносят с собой воспоминание. Не их вина, что взор часто падает на предмет не с настоящей точки зрения: они как видели, так рассудили и осудили. Они правы!

Горе женщине, которую обстоятельства или собственная неопытная воля возносят на пьедестал, стоящий на распутии бегущих за суетностью народов! Горе, если на ней остановится внимание людей, если к ней они обратят свое легкомыслие, ее изберут целию взоров и суждений! И горе, стократ горе ей, если, обольщенная своим опасным возвышением, она взглянет презрительно на толпу, волнующуюся у ног ее, не разделит с ней игр и прихотей и не преклонит головы перед ее кумирами!
Я поняла наконец эту великую истину и от всей души примирилась с моими гонителями.

Этих указаний и выписок слишком достаточно для того, чтоб читатели наши увидели, как неизмеримо выше всех предшествовавших ей писательниц, и в стихах и в прозе, стоит Зенеида Р-ва. Ее повести не наполнены сладенькими чувствованьями и розовыми мечтаньями; нет, они проникнуты одною могучею мыслию, которая преследовала ее всю жизнь и не давала ей покоя. Как автор, как поэт, Зенеида Р-ва имела бы право применить к себе эти стихи Лермонтова:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла,

Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю{32}.

Бессмысленные чувства и розовенькие чувствованья начинают уже надоедать в нашей литературе. Право на общее внимание теперь могут иметь только писатели, возвысившиеся до мысли. Зенеида Р-ва принадлежит к тесному кругу таких писателей и есть единственная у нас писательница в этом роде.

Теперь о степени таланта и художественном достоинстве повестей Зепеилы Р-вой. Один журнал, хваля слог Зенеиды Р-вой и давая под рукою знать, что этим слогом она была обязана сколько своей понятливости, столько и замечаниям, намекам и советам его (журнала), – вот что, между прочим, говорит о Зенеиде Р-вой,

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru объявляя себя посмертным ее другом: «Ее «Утбалла», «Джеллаледин» и «Медальон» бесспорно – одни из лучших повестей, какие были в то время написаны в Европе: они обещали русской словесности талант истинно писательский (?!), равный по оригинальности таланту Жоржа Занда (sic[3]), но еще более приятный и несравненно более прочный (вот как!)»{33}. Для знающих этот журнал нет ничего удивительного в этом возгласе: это тот самый журнал, который шутит и потешает наукою, искусством, критикою и правдою и который некогда, упав на колени, закричал: «Великий Гете! великий Кукольник!»{34}. Мнение этого журнала о Зенеиде Р-вой – явно шутка. Это доказывается и тем, что он сетует, зачем изданы сочинения Зенеиды Р-вой, не считая их заслуживающими особенного издания; это же доказывается и языком, которым написана рецензия о повестях Зенеиды Р-вой. Послушайте: «Эти забытые (?!) вещи перебьют дорогу многому из того, что другие могут вновь выдумать. Что вы теперь помните из сочинений Зенеиды Р-вой? Возьмите книгу и прочтите вторично, посмотрите, как это ново, как свежо, как благоухает теплою весною сердца, как всегда будет свежо, ново и благоуханно, потому что эти страницы, полные тоски, страдания, огненных, но неопределенных желаний, вырвались из блестящих далеких облаков (?) юной мечты, упали на землю с дождем безотчетных слез(!), с громовыми ударами молодого сердца (!!), созданного для благородных страстей, стремившихся к высокому, к прекрасному, к отвлеченному, к тому, чего не существует на земле, – блаженству ангелов, – к счастью, которое постигают одни только женщины, которым они вечно стараются овладеть и которое вечно от них ускользает»{35}. Прочтя этот набор слов, кто не скажет, что мнение помянутого журнала о сочинениях Зенеиды Р-вой – просто шутка или мистификация?..

Нет, мы не скажем, чтоб Зенеида Р-ва была по таланту выше Жоржа Занда или равнялась с ним; мы даже думаем, что между этими двумя талантами – неизмеримое пространство... Это только со стороны таланта, а между тем ведь талант не составляет еще всего в писателе: кроме таланта, должно еще быть направление таланта, содержание его творений. Такая поэзия, как поэзия Жоржа Занда, приготовлена огромным общественным развитием, перешедшим через многие изменения и процессы исторические; наши же писатели, даже и повыше Зенеиды Р-вой, подобно эху, повторяют в своих творениях отблески и отзвуки чуждых нам цивилизаций и общественностей{36}.

Что у Зенеиды Р-вой был талант, и притом замечательный, выходящий из ряда обыкновенных дарований, – в этом нет никакого сомнения; но что ее талант не был развит, что он вечно колебался в какой-то нерешительности, – это также правда. Вот почему ее повести имеют большой недостаток со стороны художественности. Характеры действующих лиц не довольно резко очерчены и часто похожи друг на друга, разнясь только положением, в каком описывает их сочинительница. Подробности быта и колорит местности не довольно поражают своею верностью и яркостью. Но главный и существенный недостаток сочинений Зенеиды Р-вой – это отсутствие иронии и юмора и присутствие какого-то провинциального идеализма а la Марлинский. Для доказательства справедливости нашего мнения возьмем, для примера, повесть «Идеал». Полковница Гольцберг влюбляется заочно в нового поэта, начитавшись его произведений; «но тщетно Ольга стремится к нему душу и мысли свои; он высок, далек и не замечает ее в толпе своих поклонниц». Случилось ей, по несчастию, быть в Петербурге, в театре, при представлении новой драмы ее «идеала». Когда вызывали автора (а у нас – вы знаете – вызывают громко и долго), – «щеки Ольги загорелись багровым цветом пылающей крови, и в ту минуту можно было принять ее за жрицу дельфийскую, ожидающую с упованием и тоскою появления духа». Но поэт не вышел. Муж зовет Ольгу домой, а она, в забытьи, не двигается с места из своей ложи. Вдруг в соседнюю ложу входит человек, которого приветствуют как автора игранный пьесы, поздравляют с успехом и называют Анатолием. Ольга вскрикивает: «Анатолий!», хватается за спинку кресла, чтоб не упасть, плачет и не спускает глаз со своего «идеала», а сочинительница, слогом повестей Марлинского, оправдывает свою героиню в ее смешной выходке. Вообще, эта Ольга любит выражаться в обществе восторженным языком, который, будучи неуместен, всегда бывает смешон. На бале спросили ее, любит ли она стихотворения Анатолия Т-го; она отвечала: «Люблю ли я? Укажите мне женщину, которая не находила бы в его небесных творениях отголоска собственных чувств? которая не бредит им, не обожает его?» Подруга ее юности спрашивает у нее: неужели холод годов и опыта не остудил ее ребяческой страсти к незнакомому человеку? Ольга отвечает ей, словно по книге: «К незнакомому человеку? Вера! что это значит? И ты можешь говорить, что он незнаком мне? Мне незнаком Анатолий? Мой идеал? Мой поэт, которого песни пробудили мое детское воображение, одушевили его жизнь, образовали мою душу? Кто же услаждал мое одиночество, кто утешал меня в горе, кто удвоивал мои радости, как не он, не Анатолий! И ты говоришь, что я люблю незнакомому мне

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru человека! Нет, я сроднилась с каждой его мыслию; я знаю все изгибы его благородного сердца; я его обожаю; я пожертвую последнюю радость жизни моей, небогатой утехами, последнюю каплю крови, я отдаю душу свою для продолжения его жизни... Да, да; я люблю его; но я люблю не земную любовь, я люблю не человека...» Такая любовь именно ребяческая и смешная любовь, а такой способ выражения очень сбивается на реторику. Да и вообще все это очень неестественно и неправдоподобно. Восторженная Ольга встречается с своим «идеалом» в одном знакомом доме; раз он ни с того ни с сего начинает ей объясняться в любви, говоря ей «ты»; страницах на трех тянется самый фразистый разговор. Удивительно, как Ольга не захохотала, слушая всю эту натянутую галиматью; она даже поверила, ей и увлеклась ею. Поэт скрылся на несколько дней от Ольги, распустив слух о своей тяжкой болезни. Бедная женщина решается уйти с бала, чтоб навестить тайком умирающего поэта... Его не было дома, – и Ольга прочла на его столе письмо к приятелю, в котором он смеется над Ольгой и ее любовью и с цинической откровенностью говорит о своих намерениях. Ольга бросилась вон... но вы сами можете прочесть повесть, если еще не читали ее, и увидеть, как ребячески идеально и детски неправдоподобно ее содержание. Прибавим только, что, когда эта повесть была напечатана в одном журнале, сцена возвращения домой поэта была исполнена самых грязных, цинических подробностей, а поэт был представлен пьяным: это была дружеская услуга досужего журналиста, охотника поправлять чужие сочинения{37}. В издании «Сочинений Зенеиды Р-вой», печатавшемся с подлинной рукописи покойной сочинительницы, эти позорные для памяти женщины прибавки, разумеется, исключены.

Развязка повести «Медальон» довольно изысканно основана на литературных вечерах и чтениях посетителей кавказских минеральных вод: черта совершенно чуждая русскому обществу! Развязка повести «Суд света» чрезвычайно изысканно и натянуто основана на сходстве лиц и на qui pro quo[4], вследствие которого неистовый обожатель героини повести брата ее принял за ее любовника. Притом же героиня этой повести уж чересчур ребячески и приторно-идеальна, как это можно видеть из этих слов ее: «Знаете ли, что, если б в ту пору какой-нибудь случай, возвратив мне свободу, дозволил нам открыть чувства наши пред глазами всего света, я отвергла бы соединение с вами из опасения гласности любви моей, из одной боязни, чтоб двусмысленная речь людей, завистливый взор их не осквернили ее чистоты, чтоб их нескромные улыбки, даже случайная неосторожность, не оскорбили ее непорочности?» И естественно ли, чтоб из уст такой женщины вышли эти громовые слова, свойственные только душе великой и крепкой:

Суд света теперь тяготеет на нас обоих: меня, слабую женщину, он «окрутил, как ломкую тросточку; вас, о! вас, сильного мужчину, созданного бороться со светом, с роком и со страстями людей, он не только оправдает, но даже возвеличит, потому что члены этого страшного трибунала все люди малодушные. С позорной плахи, на которую он положил голову мою, когда уже роковое железо смерти занесено над моей невинной шеей, я еще взываю к вам последними словами уст моих: «Не бойтесь его!.. он раб сильного и губит только слабых. . .» Такие строки могут вырываться только из-под пера писателей с великою душою и великим талантом...

Героиня «Номерованной ложи» не хочет выйти замуж за человека, доказавшего ей свою безграничную любовь и преданность, – не хочет за него выйти, потому что еще жив ее муж, который, ограбив ее, развелся с нею... Она – видите – боится увидеть в себе клятвопреступницу и выходит замуж за своего обожателя тогда только, как прежний муж был убит где-то на время...{38} Вот уж подлинно романтизм, который и в средние века удивил бы всех своею нелпостию!.. Но провинции он нравится и теперь – разумеется, в повестях...

«Джеллаледин» и по завязке и по колориту крепко отзывается марлинизмом...

«Любинька» при первом появлении своем в печати возбудила, как говорится, фурор в публике. Не удивительно: повесть эта по содержанию и по характерам самое пансионское произведение. Один только характер в ней мастерски отделан: это характер злой мачехи Антонины Михайловны. Смешнее всех характеры Евгения Задольского и Валериана Стрельнева, особенно последнего, ибо он преуморительно идеален и преидеально смешон с своею Оттилией, своими страданиями и своим ужасом при мысли о незаслуженном проклятии обманутого отца, слабого, полоумного старика. Характер Любиньки хорош отвлеченно, но не живым поэтическим образом. Завязка повести основана на недоразумении, которое могло бы разрешиться личным, свиданием сына с отцом, а развязка основана на deus ex machina[5]. Вообще,

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
повесть и длинна и скучна. Сама сочинительница чувствовала это. Обещав ее в наш журнал, она прислала вместо ее первую часть «Напрасного дара», объясняя в письме к нам причину этого таким образом: «Может быть, вам покажется странным, что, обещав прислать готовую повесть, я посылаю половину другой, еще не совсем оконченной. Что делать! Та повесть, о которой я говорила, точно, лежит у меня и ожидает только последней поправки, чтоб явиться свету; но у меня, как дети у капризных матерей, есть повести любимые и нелюбимые. Та повесть длинна, я долго работала над нею, она надоела мне – пусть полегит, забудется, тогда я опять примусь, окончательно исправлю ее и отпущу на волю»{39}. Нам, впрочем, весьма нравится одно место в «Любиньке»; оно не длинно, и мы можем его здесь выписать:

Он понял, что в жизни человека существенность, так унижаемая поэтами, одна существенна, следственно, одна может быть источником всего прекрасного, возвышенного, как и всего дурного; он понял, что эта существенность есть корень нашего бытия, корень нередко грязный, всегда некрасивый, но дающий соки и силу лучшим цветам мира – мыслям и чувствам человека; и что от нас зависит облагородить происхождение растения, стараясь, чтоб цветы его не были пустоцветом, чтоб, пройдя пору цветения, они не разлетелись напрасно по ветру, а дозрели бы в плод пользы и добра.
Глубокая мысль!

Повести «Суд божий» и «Воспоминание Железноводска» ниже всякой критики и не стоят упоминения. Это самая смешная марлицина{40}.

Лучшая повесть Зенеиды Р-вой – это, без сомнения, «Теофания Аббаджио». Содержание ее глубоко, завязка, развязка и рассказ благородно просты, при необыкновенном искусстве, с каким они ведены. Характеры очеркнуты превосходно, особенно характер героини. Слог повести – образцовый. Можно указать на один только недостаток: зачем Долиньи рассказывает свою историю под вымышленным именем своего небывалого друга, и кому же рассказывает? – Ольге, которая знает, о ком идет речь, и Теофании, которая ничего не знает. Это замашка старинных романов, эффект, довольно истертый. За исключением этого, вся повесть – один из перлов русской литературы.

Несмотря на некоторую изысканность и неправдоподобность в завязке, «Утбалла» кажется нам лучшею повестью после «Теофании Аббаджио»: в ее рассказе много увлекающей силы.

Первая половина «Напрасного дара» несколько изысканна по содержанию. Девушка, мучимая призыванием к поэзии, – мысль довольно отвлеченная, корень которой не действительность, а рефлексия поэта. И не в таком быту, как тот, в котором поместила сочинительница свою вдохновенную Анюту, неизбежная гибель благородных существ происходит у нас не столько от поэтического их призывания, а от противоположности их человеческих (гуманных) натур с окружающими их животными натурами. Эта мысль проще, зато вернее и более годится в основу повестей, сюжет которых берется из мира русской жизни. Вообще вся первая часть «Напрасного дара» так и дышит каким-то бурным, порывистым, но невыдержанным вдохновением, и потому она шевелит, будит душу читателя, но не удовлетворяет ее. В ней есть что-то, но чего-то и недостает. Вторая часть была бы удовлетворительнее, но она не кончена и прервалась на самом интересном месте. Мысль ее проще. Вот что писала о ней к нам сочинительница... «Первая и вторая часть этой повести соединяются только одною идеею; меж их лицами и происшествиями нет ничего общего; это две отдельные фантазии на один тон. В первой я говорила о силе умственной, во второй выражу силу чувств». Значит: во второй части под напрасным даром разумелось бы не призывание к какому-нибудь искусству, а просто сильная способность чувствовать. Это было бы лучше.

Что сказали мы о первой части «Напрасного дара», то более или менее может относиться вообще к повестям Зенеиды Р-вой. Почти во всякой из них чувствуете страшную внутреннюю силу и потом не видите положительных результатов этой силы. Почти каждая из них есть могучий взмах, но за которым не следует столь же могучего удара. Читая повести Зенеиды Р-вой, вы чувствуете, что любопытство ваше раздражено, внимание напряжено, вы вне себя и с замирающим сердцем ждете – вот явится оно, желанное слово, вот разгадается загадка и вся путаница судьбы разрешится в ясную и определенную идею, а тревога души вашей – в чувство полного удовлетворения, – и вы остаетесь недовольным и неудовлетворенным. Отчего это?

Нам кажется, что это объясняется жизнью даровитой писательницы нашей. Жена

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
военного человека, она следовала за ним из губернии в губернию, из уезда в уезд, и случилось ей кочевать даже в степях Новороссии. Отдаление от столичной жизни есть большое несчастье и для души и для таланта: они или увядают в апатии и бездействии, или принимают провинциальное направление, которое комизм полагает в плоской шутливости, а высокое – в детском отвлеченном идеализме. Как бы ни сильна была натура человека и как бы ни велик был талант его, но невозможно же ему долго бороться с подавляющими впечатлениями окружающего его мира, и волею или неволею, более или менее, ранее или позже, но должен же он принять на себя их отпечаток. Зенеида Р-ва знала итальянский, немецкий, английский и французский языки, хорошо была знакома с великими поэтами, писавшими на этих языках: это видно даже и из эпитафий, которыми испещряла она главы своих повестей. И вместе с ними вы находите эпитафии из гг. Кукольника и Бенедиктова. В провинции – известное дело – идеалом нувеллистов добродушно считают Марлинского, идеалом лириков – г. Бенедиктова, идеалом драматургов – г. Кукольника, а идеалом юмористов – Барона Брамбеуса.. Мы знаем из достоверного источника, что лучшими повестями на русском языке Зенеида Р-ва считала: «Аммалат-Бека» Марлинского и «Блаженство безумия» г. Полевого. Нельзя не сознаться с горестью, что на ее повестях заметен отпечаток влияния повестей Марлинского и г. Полевого.

Но золотая руда блещет и в землянистой массе. Яркий и сильный талант Зенеиды Р-вой не могут затмить недостатки в ее произведениях. Талант ее принадлежит ей самой, недостатки – обстоятельствам жизни. Не являлось еще на Руси женщины столь даровитой, не только чувствующей, но и мыслящей. Русская литература по праву может гордиться ее именем и ее произведениями.

Зенеида Р-ва, по натуре своей, чувствовала сильную потребность высказываться на бумаге; но она была чужда печатного самолюбия, и только внешняя необходимость заставляла ее печататься. «Без этой необходимости (писала она к одному из своих знакомых) ничто не принудило бы меня броситься в этот омут и взять на себя несносное звание женщины-писательницы». Опытность, приобретенная ею в прежних литературных ее сношениях, особенно делала для нее отвратительным омут печатной известности: это мы знаем из ее собственных писем...{41}

Но и не одно это делало для нее несносным звание женщины-писательницы. В начале нашей статьи мы говорили, как еще тернист путь женщины-писательницы в Европе. У нас он не гладок по-своему: ссылаемся на свидетельство самой Зенеиды Р-вой и приводим здесь этот ловкий юмористический очерк провинциальных нравов:

В обществах так любят танцоров с блестящими эполетами, что их не подвергают строгому разбору; помещицы и горожанки принимают их с благоволением, помещики и горожане приглашают их на обеды и вечера, в угождение своим повелительницам. Но жены военных, – о, это другое дело! Судьи женского рода осматривают своих, вновь прибывших соперниц, не всегда доброжелательным оком, строго разбирают их наряды, черты лиц, характеров. Это две чуждые между собою нации, две разнородные стихии, – не легко и не скоро соединяются они в одно дружное целое.

Что же, если, по несчастью, одна из этих налетных госпож отличается чем-нибудь от прочих, – красотой, талантами, богатством! Если злодейка-молва, опережая ее, приносит весть об ней на новые квартиры и еще до приезда ее возбуждает любопытство, подстрекает соперничество, язвит самолюбие, задает оскому зависти, – и эта тощая, желтолицая фурия заранее точит зубок на незнакомую, но уже ненавистную жертву? – «Но что может так сильно расшевелить страсти женщин? Какое превосходство, какое отличие?» – скажут мои добрые читательницы! – Ах, боже мой! повторяю: маленькое отступление или выступление из общего круга обыкновенностей; рельеф на гладкой стене общества. Вообразите себе поручицу чудной, поражающей красоты, капитаншу – уроженку Северной Америки, переброшенную случаем с берегов Миссисипи на берега Оки, вместе с миллионом приданого, – или, хоть с приложением какого угодно чина, писательницу, то есть женщину, написавшую когда-нибудь в досужный час две, три повести, которые попались впоследствии под типографский станок.

«Что! Капитанша или поручица – писательница!.. Да это вздор! этого нет и быть не может! – возразят мне многие и многие, – правда, писала Жанлис, так она была придворная, графиня! писала Сталь, – так отец ее был министром, – обе получили высокое образование, но кап...» Однако ж предположим, хоть для шутки, что в толпе вновь прибывших офицеров является рука об руку с одним из них женщина-писательница. – Все заранее знают об ее прибытии, собирают об ней слухи, рассказывают вести бывалые и небывалые, – наконец она прибыла, она здесь...

Ах! как бы ее увидеть! она, верно, носит на челе отпечаток гения; верно, только и говорит о поэзии да о литературе; высказывает мнения свои вроде импровизации,

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
употребляет технические термины, носит с собою карандаш и бумагу для записывания
счастливым мелькнувших идей!..

С подобным предубеждением собираются осмотреть прибывшую писательницу.
Проходит неделя, две...

– Ma chere, приезжай в четверг ко мне обедать.

– А что у вас, именины?

– Нет, у меня обедает мадам ** – знаешь, писательница.

– Ах, очень рада, посмотрим, что за писательница.

– А вы, Авдотья Трифоновна, хотите познакомиться с ней?

– Не то чтоб познакомиться, а так, взглянуть, приеду.

– Вы читали ее сочиненья?

– И нет! есть-таки мне время читать этот вздор.

– Да что такое написала она?

– Так себе – пустячки, – верно, выкрадено из Revue Etrangere[6].

– Ах, нет, машерочка, чистое подражание Марлинскому.

– Хе, хе, хе! Далеко кулику до Петрова дня!

– Позвольте уж и мне попользоваться в четверг вашим обедом! – восклицает
воспеватель всех торжественных происшествий ...ского уезда. – Позвольте, ради
вашей красоты! я давно желал встретиться с ней, посудить об ее уме и талантах,
задать некоторые вопросы, высказать откровенное мое мнение насчет ее творений –
гм... думаю, она примет с благодарностью мои советы! – прибавляет он с блаженным
самоубеждением, поглаживая розовые отвороты своего голубого бархатного жилета.
– Ах душонок! я слышала, что если найдет на нее вдохновение, то где бы ни была
она, на бале, в карете или на берегу реки, она тотчас начинает громко
декламировать.

– Ах, если б в четверг нашло на нее вдохновение! – восклицает наивная уездная
барышня.

– А знаете, ведь говорят, что все героини ее романов списаны с нее самой.

– Как так?

– Да просто, что ни возьмет в руки перо, то смотри себя и опишет.

– Ну как же это можно, помилуйте! ведь ее героини не все в одной форме испечены!
Эта деревенская девочка, та светская дама, одна восторженная, другая холоднее
льду, первая русская, вторая немка, третья дикарка, башкирка, что ль!..

– Э... да вы забыли, – восклицает догадливый поэт, – что она не просто женщина, а
женщина-писательница, то есть создание особенное, уродливая прихоть природы, или
правильнее: выродок женского пола. Ведь рождаются же люди с птичьей головой и
козьими ногами, – почему ж не допустить, что она прикинется такой-то, спишет с
себя портрет да и обернется в другую форму.

– А... видите...

– Ну разве что... – произносят нараспев две-три барыни, слепо верующие во все
сказания великого поэта.

– Так скажите ж, пожалуйста, – говорит почтенная старушка, поседевшая в незнании
вещей мира сего, – скажите, она вот так-таки и пишет, как в книгах печатают? то
есть... так сказать... как она напишет, то слово в слово по тому и напечатают?

И на утвердительный ответ она изъявляет желание видеть женщину, которая умеет
так писать, как в книгах печатают.

Настал роковой четверг, бедная писательница едет, в невинности души своей,
обедать, не подозревая, что ее приглашали на показ, как пляшущую обезьяну, как
змея в фланелевом одеяле; что взоры женщин, всегда зоркие в анализировке качеств
сестер своих, вооружились для встречи с нею сотнею умственных лорнетов, чтоб
разобрать ее по волоску от чепчика до башмака; что от нее ждут вдохновения и
книжных речей, поражающих мыслей, кафедрального голоса, чего-то особенного в
поступи, в поклоне, и даже латинских фраз в смеси с еврейским языком, – потому
что женщина-писательница, по общепринятому мнению, не может не быть ученой и
педанткой, а почему так? не могу доложить!..

Боже мой, ведь как подумаешь, как многие всю жизнь свою сочиняют и беспощинно
рассевают по свету небылицы, – и никому не вздумается выдавать им патентов на
ученость, оттого только, что они сочиняют словесно! За что ж, чуть бедная
писательница набросит одну из вышереченных небылиц на бумагу, все единогласно
производят ее в ученые и педантки!.. Скажите, отчего и за что такое непрошеное
талантопочитание?

И потом, она ни с кем не может сойтись. Одни воображают, что она тотчас схватит
их слепок и так-таки живьем передаст в журнал. Другим вечно мерещится на устах
ее сатанинская улыбка, в глазах сатирическая наблюдательность, предательское
шпионство, – даже и там, где, право, всякое шпионство было б ковшиком, черпающим
из воздуха воду, – все в ней будто не так, как в других женщинах... да не знаю
что, а истинно что-то не так!

– Посудите же по этому бледному очерку тысячной доли того, что достается бедной

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru писательнице, каково бродить ей по свету; быть везде незваной гостью, вечно ознакомливаться. Едва узнают ее в одном месте, едва привыкнут видеть в ней женщину без жесткого прилагательного: писательница, едва приголубят добрые люди, – как вдруг поход, перемена квартир – начинай снова знакомства с азбуки{42}. К этому яркому очерку неудобств, сопряженных на Руси с званием женщины-писательницы, даровитая Зенеида Р-ва могла бы прибавить что-нибудь вроде физиологического очерка посмертных друзей и журнальных буфонов, пляшущих и кривляющихся на могиле литературной знаменитости{43}. Ведь бывает и это на белом свете, оттого что шутам закон не писан. Но могила безмолвна и безответна...

Мир праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силою собственных ощущений! Мир праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатых даров своей возвышенной натуры. Благодарим тебя за краткую жизнь твою: недаром и не втуне цвела она пышным, благоуханным цветом глубоких чувств и высоких мыслей... В этом цвете – твоя душа, и не будет ей смерти, и будет жива она для всякого, кто захочет насладиться ее ароматом...

Есть писатели, которые живут отдельно жизнью от своих творений; есть писатели, личность которых тесно связана с их произведениями. Читая первых, услаждаешься божественным искусством, не думая о художнике; читая вторых, услаждаешься созерцанием прекрасной человеческой личности, думаешь о ней, любишь ее и желаешь знать ее самое и подробности ее жизни. К этому второму разряду писателей принадлежала наша даровитая Зенеида Р-ва.

Примечания

Список сокращений

В тексте примечаний приняты следующие сокращения:

Анненков – П. В. Анненков. Литературные воспоминания. <М.>, Гослитиздат, 1960.

Барсуков – Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I–XXII. СПб., 1888–1910.

Белинский, АН СССР – В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1958–1959.

ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

Герцен – А. И. Герцен. Собр. соч. в 30-ти томах, М., Изд-во АН СССР, 1954–1966.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. I–XIV. <М>, Изд-во АН СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Добролюбов – Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. 1–9. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

КССБ – В. Г. Белинский. Сочинения, ч. I–XII. М., Изд-во К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1859–1862 (составление и редактирование издания осуществлено Н. Х. Кетчером).

КССБ, Список I, II... – Приложенный к каждой из первых десяти частей список рецензий Белинского, не вошедших в данное издание «по незначительности своей».

ЛН – «Литературное наследство». М., Изд-во АН СССР.

Переписка – «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. I–III. СПб., 1896.

ПССБ – Полн. собр. соч. В. Г. Белинского под редакцией С. А. Венгерова (т. I–XI) и В. С. Спиридонова (т. XII–XIII), 1900–1948.

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 16-ти томах, т. I–XVI. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Шенрок – В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. I–IV. М., 1892–1897.

Сочинения Зенеиды Р-вой.

Впервые – «Отечественные записки», 1843, т. XXXI, № 11, отд. V «Критика», с. 1–24 (ц. р. 31 октября; вып. в свет 2 ноября). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. VII, с. 151–194.

Начало работы над статьей определяется письмом Белинского к М. В. Орловой от 20 октября 1843 года: «А знаете ли Вы, что вот уже 20-е число, а я только что сию минуту отослал к Краевскому три полулиста статьи для одиннадцатой книжки «Отечественных записок», тогда как по-настоящему вся статья должна была быть готова к 15-му числу. Когда я ее кончу – не знаю, страшно и подумать, а надо кончить, хоть умри. А между тем, кроме статьи-критики, сколько еще надо написать рецензий, заметок о театре!» 23 октября Белинский сообщал тому же адресату: «Вчера кончил большую статью для ноябрьской книжки – осталась мелочь, но эта мелочь мучит больше всего».

Елена Андреевна Ган, писавшая под псевдонимом «Зенеида Р-ва» («Р-ва» – «Ржищева», по названию села, близ которого она родилась. См. об этом: В. Г. Дмитриев. Скрывшие свое имя. М., «Наука», 1977, с. 215), принадлежит к числу забытых теперь деятелей русской литературы. Между тем большой успех, который имели в свое время ее повести и романы, отнюдь не был случайным. Остросюжетные, легко читающиеся, ее произведения привлекали внимание отражением в них некоторых идей, начинавших волновать русское общество. Одной из первых Ган выступила защитницей прав женщины, сторонницей женского образования. Ее нередко сравнивали с Жорж Санд (см., например, «Библиотеку для чтения», 1843, т. LX, отд. VI, с. 21, где творчеству Ган дается оценка даже более высокая, чем творчеству французской писательницы). Белинский решительно отвергает самую возможность сближения этих двух имен, видя между ними «неизмеримое пространство». Проблема соотношения творчества Ган и Жорж Санд разработана Е. С. Некрасовой в статье «Елена Андреевна Ган» («Русская старина», 1886, № 9, отд. III, с. 554–556) и А. В. Старчевским («Исторический вестник», 1886, т. XXV, сентябрь, с. 530–531).

Сама Ган решительно отмежевывалась от какой-либо близости со сторонниками радикальных взглядов на проблемы женской эмансипации. 14 октября 1838 года она писала ссыльному декабристу С. И. Кривцову: «Женщина есть домашнее животное, ее жизнь, чувства, мнения не должны бы никогда переходить за порог дверей ее; весь мир должен для нее заключаться в ее семействе, – там только она может быть справедливо оценена, может найти и разлить вокруг себя счастье» («Русская мысль», 1911, кн. XII, отд. XIII, с. 61),

Объективно, всем своим творчеством, Гая доказывала невозможность для женщины семейного счастья в том его виде, как оно понималось традиционно. Но ее героини не бунтуют, им чуждо стремление к освобождению от брачных уз, к суверенности чувств, к самоутверждению. Компромиссность, свойственная общественным взглядам Ган, как и всему духу ее творчества, отсутствие определенных убеждений сделали творчество Ган приемлемым для разных направлений русской общественной мысли. На собрание ее сочинений одобрительно откликнулись и «Москвитянин» (1844, № 4), и «Северная пчела» (1843, № 227), и «Отечественные записки».

Для Белинского творчество Ган интересно прежде всего как выражение художественной одаренности женщины. В краткой рецензии, предшествующей его большой статье о Ган, он писал: «Между русскими писательницами нет ни одной, которая достигла бы такой высоты творчества и идеи и которая в то же время до такой степени отразила бы, в своих сочинениях, все недостатки, свойственные русским женщинам – писательницам» (Белинский, АН СССР, т. VII, с. 632). Отзывы об одной из повестей Ган, находящиеся в письмах Белинского, поясняют эту мысль, выявляя противоречивое впечатление, которое оставляли ее произведения. 14 марта 1842 года Белинский пишет В. И. Боткину: «1-я половина повести Ган «Напрасный дар» мочи нет, как хороша, убийственно хороша». И ему же 4 апреля того же года: «Что ты ничего не говоришь о «Напрасном даре»? Вся повесть – черт знает, что такое – я уж и забыл в чем дело; но есть вдохновенные лирические выходы. Превосходная музыка на дрянное либретто».

Почти вся творческая деятельность Ган связана с «Библиотекой для чтения». Но

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
бесцеремонное вмешательство Сенковского в авторский текст, произвольные вставки и сокращения, искажающие замысел, заставили Ган принять предложение А. А. Краевского участвовать в «Отечественных записках» (см. об этом: «Русская старина», 1887, № 3, отд. VIII, с. 743; «Русская мысль», 1911, кн. XII, отд. XIII, с. 67, 71; «Исторический вестник», 1886, т. XXV, сентябрь, с. 512–514, 528, 530). В журнале Краевского Ган успела опубликовать лишь две повести: «Напрасный дар» («Отечественные записки», 1842, № 3) и «Любонька» (там же, 1842, № И, 12).

Статья о Ган привлекла внимание читателей прежде всего затронутыми в ней проблемами семьи и положения женщины. Т. Н. Грановский в письме к Н. Х. Кетчеру от 15 ноября 1843 года отзывался о статье Белинского как о «превосходной». Однако, касаясь рассуждений Белинского о любви и браке, выразил сожаление, что он «безобразит» написанное «цинизмом выражений и дикостью отдельных мыслей» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II. М., 1897, с. 459).

Статья определила все последующие отзывы о творчестве Зенеиды Р-вой. Влияние Белинского чувствуется и в мнении о Ган И. С. Тургенева, высказанном в рецензии «Племянница. Роман. Соч... Евгении Тур», и в исследовании Е. С. Некрасовой («Русская старина», 1886, № 8, 9), и в других работах, посвященных жизни и деятельности писательницы,

Статья Белинского является также одним из немногочисленных источников изучения творчества русских писательниц конца XVIII – начала XIX веков (см. об этом: С. И. Пономарев. Наши писательницы. СПб., 1891, с. 2).

Сноски

1

«Матильда» (фр.). – Ред.

2

«Парижские тайны» (фр.). – Ред.

3

так! (лат.). – Ред.

4

недоразумении (лат.). – Ред.

5

искусственном разрешении (лат.). – Ред.

6

Иностранного обозрения (фр.). – Ред.

Комментарии

1

Выражение «синий чулок» возникло в Англии в конце XVIII века и особенно распространилось после того, как Байрон использовал его в своей сатире «The Blues» (1820) – «Синие». Белинский выделяет выражение курсивом, вероятно, потому, что в России к тому времени оно лишь начинало становиться известным.

2

Роману «Матильда» (1841, русский пер. 1846) посвящена рецензия Белинского 1847 г. (см.: Белинский, АН СССР., т... X, с. 102), «Парижским тайнам» (1842–1843, русский пер. 1844) – специальная большая статья (1844; см. наст. изд., т. 7).

3

См. примеч. 9 и 10 к статье «Речь о критике».

4

Сиволдай (сивалдай) – неуклюжий, грубый человек; забулдыга.

5

См. рецензию на «Стихотворения Милькесва» (наст. т., с. 468), где Белинский говорит об этом же.

6

Речь идет об А. В. Зражевской и журнале «Маяк», в котором она сотрудничала.

7

«Каталог Смирдина» – «Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. В четырех частях, с приложением азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков и краткой росписи книгам по азбучному порядку». СПб., тип. А. Смирдина, 1828. Первое прибавление к Росписи... СПб., 1829. Второе прибавление... СПб., 1832. Кроме «Росписи...», Белинский, вероятно, использовал «Библиографический каталог российским писательницам», составленный С. В. Руссовым. СПб., 1826.

8

Полное название перевода М. В. Сушковой «Инки, или Разрушение перуанской империи, сочинение Мармонтеля», ч. I–II. М., 1778. В скобках Белинский всюду указывает год перевода писательницей того или иного произведения. Например: Н. И. Плещеева перевела с французского «Училище бедных, работников, слуг, ремесленников и всех нижнего класса людей, сочинение г-жи Ле-Препс де Бомонт», ч. I–II. М., 1808; А. Воейковой принадлежит перевод «Опыта о вкусе в произведениях природы и художеств, или Рассуждение о причинах удовольствий, которые возбуждают в нас произведения разума и изящные художества, из сочинений г. Монтескье». СПб., 1805; А. В. Мухина перевела «Новые семейственные картины, или Жизнь бедного священника одной немецкой деревни и его детей, сочинение Августа Лафонтена», ч. I–V. М., 1805–1806.

9

Названное сочинение М. А. Поспеловой вышло не в 1789, а в 1798 г. во Владимире.

10

Поэма «Падающий фаэтон» (а не «фаэтон», как называет ее Белинский) вошла в сборник произведений А. П. Буниной «Сельские вечера», о том, переводила ли Бунина Буало, сведений не обнаружено. С Д. И. Хвостовым Белинский сравнивает ее потому, что ему принадлежит перевод «Науки о стихотворстве» (СПб., 1808).

11

Творчество М. Е. Извековой всегда служило мишенью для иронии Белинского. См., например, его отзыв о ней в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (наст. изд., т. 1, с. 306).

12

См. примеч. 150 к статье «Литературные мечтания» (наст. изд., т. 1, с. 643).

13

Мнение о Шевыреве-поэте было высказано Белинским еще в «Литературных мечтаниях». Позже он не раз возвращался к этой теме, упрекая, в частности, И. В. Киреевского в переоценке поэтического дарования Шевырева (см. статью «Русская литература в 1842 году»). Шевыреву принадлежит трактат «О возможности ввести италианскую октаву в русское стихосложение» (1831).

14

Н. М. Языков и А. С. Хомяков были активными участниками враждебного Белинскому и «Отечественным запискам» журнала «Москвитянин», а Хомяков, кроме того, и крупнейшим идеологом славянофильства. О поэзии Языкова и Хомякова – более подробно в статье Белинского «Русская литература в 1844 году». Белинский писал В. П. Боткину о Хомякове 6 февраля 1843 г.: «Я знаю, что Х<омяков> – человек не глупый, много читал и, вообще, образован; но мне было бы гадко его слышать, и он не надул бы меня своею диалектикою». Частые нападки Белинского на Языкова и Хомякова заставили Герцена написать Краевскому 19 января 1845 г.: «Мне досадно, что в 1 № (речь идет о статье Белинского «Русская литература в 1844 году») так много о Языкове и Хомякове; они гордятся этим и воображают, что их направление так сильно, что с ними борются...» (Герцен, т. XXII, с. 224). Однако в «Былом и думах» Герцен признал правоту Белинского-публициста (там же, т. IX, с. 167). В декабре 1844 г. Языковым написано стихотворение «К не нашим», в котором современники увидели «пасквиль на главнейших представителей западного направления» (Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, с. 22).

15

К моменту написания статьи был опубликован ряд произведений З. А. Волконской: «Quatres nouvelles», М., 1819; «Славянская картина пятого века». М., 1825 и др. М. Лисицыной принадлежит сборник «Стихи и проза». М., 1829 и несколько произведений, опубликованных в «Дамском журнале» («Моя отрада», «Романс», «К родине» и др.). А. И. Готовцева – автор нескольких стихотворений, публиковавшихся в «Сыне отечества», «Московском телеграфе» и альманахах. Под «книжкой-малюткой» Белинский, видимо, имеет в виду издание: Н. С. Теплова. Стихотворения. М., 1838, в 24-ю д. л. Первое издание вышло в 1833 г. в 16-ю д. л.

16

Белинский имеет в виду «Полное собрание русских, немецких и итальянских стихов Елизаветы Кульман. Пиитические опыты», чч. I–III. СПб., 1839. Творчеству Кульман посвящена рецензия Белинского на книгу: «Елисавета Кульман. Фантазия» А. В. Тимофеева (1836; см. наст. изд., т. 1, с. 464) и рецензия на ее «Пиитические опыты» (1841; см.: Белинский, АН СССР, т. IV, с. 570). Мнение Белинского об отсутствии поэтического таланта у Кульман отнюдь не было общепринятым. Так, В. Громов в «Обзрении книг, вышедших в России» ставил имя Кульман рядом с именем Пушкина, называя ее стихотворения «прекрасными» («Журнал министерства народного просвещения», 1842, ч. XXXVI, отд. VI, с. 240). Позже взгляд Белинского на творчество Кульман развивается Е. С. Некрасовой в статье «Елисавета Кульман» («Исторический вестник», 1886, т. XXVI, декабрь, с. 552–553).

17

Кроме переводов, К. К. Павловой принадлежат и оригинальные произведения. Незадолго до статьи Белинского вышел ее сборник «Les preludes par m-me Caroline Pavloff nee Jaenisch», Р., 1839.

18

Первое произведение Е. П. Ростопчиной появилось в печати в 1830 г.

19

Речь идет об издании: «Сочинения в стихах и прозе графини Сарры Толстой», ч. I–II. М., 1839, 1840. Талантом юной поэтессы восхищался и Герцен, рассказавший о трагических обстоятельствах ее короткой жизни (см. Герцен, т. VIII, с. 243). Суждения Белинского о поэзии С. Толстой содержат скрытую полемику со статьей М. Н. Каткова «Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой», где декларировался подсознательный характер поэтического творчества («Отечественные записки», 1840, № 10).

Автором предисловия к «Сочинениям» С. Толстой был М. Н. Лихонин. Ему же принадлежит и перевод, по которому, как справедливо замечает Белинский, трудно судить о действительных поэтических достоинствах произведений Толстой. Это создал и сам Лихонин. В «Предисловии переводчика» он писал: «Переводчик, исполняя волю ее родителя (отцом Сарры был знаменитый Ф. И. Толстой–Американец». – Г. Е.), должен был переводить подлинник слово в слово, и потому не мог вполне передать нежных оттенков чувств и мыслей» (С. Ф. Толстая. Сочинения в стихах и прозе, ч. I. М., 1839, с. LXXIII).

20

Белинскому принадлежат рецензии на след. выпуски сочинений М. С. Жуковой: «Вечера на Карповке» (ч. I–II. СПб., 1837, 1838; см. Белинский, АН СССР, т. II, с. 566); «Повести Марьи Жуковой», СПб., 1840 – см. наст. изд., т. 3; «Русские повести» (СПб., 1841; см.: Белинский, АН СССР, т. V, с. 477).

21

Е. А. Ган скончалась 28-ми лет от чахотки.

22

«Библиотека для чтения», 1837, т. XXI.

23

«Библиотека для чтения», 1838, т. XXVI.

24

Полное название: «Медальон, записки одной больной на теплых водах» («Библиотека для чтения», 1839, т. XXXIV).

25

«Библиотека для чтения», 1840, т. XXXVIII.

26

27

Повесть опубликована под названием «Любонька». См. примеч. к наст. статье (вводная заметка).

28

«Библиотека для чтения», 1838, т. XXX.

29

Альманах «Дагерротип», тетрадь седьмая. СПб., 1842, с названием «Ложа в Одесской опере».

30

Е. А. Ган много размышляла о положении женщины в обществе, неизменно приходя к выводу, что женщине самой природой уготовано подчиненное положение. В письме к неизвестной от 10 января 1839 г. она писала: «Я также женщина, много терплю от условий, которыми опутали наш пол, но никогда не соглашусь в мнении, будто женщина поставлена природой на равной высоте с мужчиной. Наши души слабее, как и тела, умы мелочнее, и самое предназначение наше слишком ясно указано природой» («Русская мысль», 1911, кн. XII, отд. XIII, с. 66).

31

См. примеч. к наст. статье (вводная заметка).

32

Цитата из поэмы «Мцыри».

33

Цитата из рецензии Сенковского на «Сочинения Зенеиды Р-вой» («Библиотека для чтения», 1843, т. LX, отд. VI, с. 21). Курсив Белинского. См. примеч. к наст. статье (вводная заметка).

34

Сенковский писал: «Я так же громко восклицаю «великий Кукольник!»... как восклицаю «великий Байрон!» («Библиотека для чтения», 1834, т. I, отд. V, с. 37).

35

Цитата из рецензии Сенковского. См. примеч. 33, с. 20–21. Курсив Белинского.

36

См. примеч. к наст. статье (вводная заметка). Об отношении Белинского к творчеству Ж. Санд см. примеч. 10 к статье «Речь о критике».

37

Речь идет о Сенковском, в журнале которого «Библиотека для чтения» повесть (как

Сочинения Зенеиды Р-вой. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru и почти все произведения Ган) была опубликована. Ган очень страдала от его произвольных правок. «Деспотизм Сенковского, – писала она 1 марта 1839 г. С. И. Кривцову, – превышает мое терпение» («Русская мысль», 1911, кн. XII, отд. XIII, с. 71).

38

Героиня повести узнает, что ее муж убит на дуэли (Зенеида Р-ва. Сочинения, ч. II. СПб., 1843, с. 433–434).

39

Об отношениях Ган с «Отечественными записками» см. примеч. к наст. статье (вводная заметка).

40

«Суд божий» и «Воспоминания Железноводска» впервые опубликованы посмертно, в рецензируемом собрании сочинений Ган.

41

«Внешней необходимостью», заставляющей Ган печатать свои произведения, часто без должной доработки, была нужда. Ган писала А. А. Сенковской: «...Вы знаете наше состояние настолько, что можете составить себе понятие о нужде... Особенно в настоящее время, когда мои две дочери достигли возраста, требующего особенных забот, эта нужда чувствуется еще живее» («Исторический вестник», 1886, т. XXV, сентябрь, с. 513). Заметим, кстати, что обе дочери Ган приобрели впоследствии известность. Старшая – писательница, теософ Е. П. Блаватская, младшая – писательница В. П. Желиховская.

42

Цитата из повести «Суд света».

43 Речь идет о Сенковском и его рецензии (см. примеч. 33 к наст. статье).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!